

Соб. рассуждения
Впервые

на русском языке

В канун Нового года в Мюнхене на сцене Баварской национальной государственной оперы состоялись первые спектакли «Пиковой дамы» П. И. Чайковского с участием известных певцов Большого театра Елены Образцовой, Владимира Атлантова, Людмилы Шемчук, Тамары Синявской, Александра Ворошило. Постановку осуществил народный артист СССР И. Шароев.

В беседе с корреспондентом «Советской культуры» И. Шароев сказал:

— Оперный театр в Мюнхене по праву считается одним из крупнейших в Европе. Высокая сценическая и музыкальная культура театра, его интерес к различным стилям оперного творчества издавна привлекают к нему лучших певцов, дирижеров, режиссеров мира. Поэтому не случайно наши выдающиеся оперные «звезды» Елена Образцова и Владимир Атлантов частые гости на сцене этого театра. Не случаен, думается, и интерес, проявленный руководством театра к подлинному шедевр русскому оперного искусства — к «Пиковой даме» Петра Ильича Чайковского, которая впервые в ФРГ шла на русском языке.

Надо сказать, что и А. С. Пушкин, и П. И. Чайковский для местной публики фигуры достаточно загадочные. Мы смогли в этом убедиться на встрече, организованной театром с журналистами и зрителями, которая была проведена накануне премьеры. По вопросам, адресованным нашей постановочной группе (в нее входили, кроме солистов Большого театра, дирижер Альгис Жюрайтис и художник Георгий Мещинвили), можно было понять, что поэзию и прозу А. С. Пушкина здесь знают довольно приблизительно, а музыку П. И. Чайковского, я бы сказал, как-то одномерно. Наш великий композитор воспринимается прежде всего как лирик, не возвышающийся до трагических глубин, как автор оперы «Евгений Онегин» (идушей в Мюнхене на немецком языке) и только. Поэтому, когда мы на этой встрече вели разговор о великой трагедийной силе образов «Пиковой дамы», о внутренней, глубинной связи этой оперы с трагедийным музыкальным колоссом — Шестой симфонией композитора, было такое ощущение, что нам не очень доверяли. Это был, к слову сказать, один из интереснейших диспутов, на котором мне когда-либо приходилось присутствовать. И должен сказать, что нам удалось поколебать уверенность оппонентов. Но самым убедительным для них оказался сам спектакль. Достаточно сказать, что, когда отзвучали последние фразы оркестра, весь зал 25 минут стоя аплодировал, кричал «браво». На своем веку я не помню подобного успеха русской оперы за границей...

— В спектакле приняли участие и известные немецкие певцы. Джулия Варади, исполнившая партию Лизы, по свидетельству прессы, снискала в ней феноменальный успех. В партии Елецкого выступил Бодо Бринкман, также получивший прекрасные отзывы рецензентов.

— Как складывались ваши отношения как режиссера с немецкими артистами?

— Я думаю, что успех Джулии Варади не случаен. По происхождению она славянка и хорошо знает русский язык. В отличие от героинь оперы Чайковского на нашей сцене ее Лиза выглядит более порывистой, резкой, более решительной. Безусловно, певица создала очень яркий, запоминающийся образ и к тому же гармоничный со всей концепцией спектакля.

Как я уже говорил, основная трудность существовала в том, чтобы разбить сложившееся мнение о Чайковском как чистом лирике. В процессе репетиций и произошел этот поворот у немецких певцов в сторону понимания трагичности музыки, образов композитора. Сложнее было убедить в этом мужской хор. Поначалу было разное отношение к самой музыке и к режиссерской концепции, но постепенно немецкие артисты прониклись эмоциями и духом А. С. Пушкина и П. И. Чайковского и, думаю, горячо полюбили и отдали весь свой талант двум гениям русской культуры...

— А для солистов Большого театра, и в частности для Владимира Атлантова — исполнителя партии Германа, была ли работа над этой версией «Пиковой дамы» «повторением пройденного» или артисты сумели внести в прежние создания нечто новое и интересное?

— Должен сказать, что «повторения пройденного» не произошло. И прежде всего потому, что весь спектакль по замыслу и воплощению коренным образом отличается от спектакля Большого театра. Вся наша постановочная группа стремилась дать принципиально новое решение привычной для нас опере, которая идет во многих театрах страны. Все советские певцы, которые уже по многу лет поют в этой опере, на мюнхенской сцене как бы заново прочли свои партии.

Великолепный образ старой графини создала Елена Образцова. Покорила немецкую публику и Людмила Шемчук в партии Полины, критика отметила «ее мягкий, по-русски сердечный голос». Не менее интересной в той же партии была и Тамара Синявская, и Александр Ворошило в партии Томского.

Спектакль был сделан за очень короткий срок. У себя мы привыкли работать подолгу — год, полтора. Постановка в Мюнхене меня привела к мысли, что, может быть, стоит как-то концентрировать работу над оперным спектаклем. И тогда бы у нас чаще обновлялся оперный репертуар, имели бы возможность интенсивной творческой работы режиссеры, дирижер, молодые певцы...

— Как складывались отношения постановочной советской группы с руководством Баварской национальной государственной оперы?

— С первых же минут нашего пребывания в Мюнхене мы были окружены самым теплым дружеским вниманием. В самом театре установилась сразу благоприятная творческая атмосфера, и за все время у нас не было ни конфликтов, ни недоразумений. Об этой слаженности в работе говорили сами немцы, в частности выдающиеся музыканты ФРГ Вольфганг Заваллиш и Дитрих Фишер-Дискау.

Я хотел бы отметить великолепную организацию всех постановочных цехов театра, которая, несомненно, очень помогла нам в столь кратчайшие сроки создать спектакль, пользующийся в настоящее время колоссальным успехом у европейского зрителя. В этом большую роль сыграла и организация рекламы. Каждый зритель был обеспечен довольно-таки объемистым буклетом, в котором на десятках страниц было рассказано и о А. С. Пушкине, и о П. И. Чайковском, об исполнителях партий, постановщиках, напечатано полное либретто, словом, зритель получал исчерпывающую информацию, которая, безусловно, способствовала пониманию великого творения русского оперного искусства...

Марина ИСТЮШИНА.